ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ГРАФ АЛЕКСЕЙ
АЛЕКСЕЕВИЧ
БОБРИНСКИЙ

Петр Вяземский

**Граф Алексей
Алексеевич Бобринский**

«Public Domain»

1868

Вяземский П. А.

Граф Алексей Алексеевич Бобринский / П. А. Вяземский —
«Public Domain», 1868

«Прятели графа А. А. Бобринского – а их много – были на-днях неожиданно поражены известием о скоропостижной кончине его, последовавшей в Смеле, поместье, ему принадлежавшем, в Киевской губернии. Электрическая сила телеграфа, так же внезапная и быстрая, как и самая смерть, не дает времени ни приготовить к удару, ни опомниться...»

© Вяземский П. А., 1868

© Public Domain, 1868

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Петр Вяземский

Граф Алексей Алексеевич Бобринский

I

Приятеля графа А. А. Бобринского – а их много – были на-днях неожиданно поражены известием о скоропостижной кончине его, последовавшей в Смеле, поместье, ему принадлежавшем, в Киевской губернии. Электрическая сила телеграфа, так же внезапная и быстрая, как и самая смерть, не дает времени ни приготовиться к удару, ни опомниться. Разом ошеломит она мысль и сердце; и тут же страшно замолкнет. Сердце ожидало бы и требовало бы дальнейших подробностей и объяснений, конечно, не к утешению своему, но к полному сознанию своей скорби и своего несчастья. Напрасно! Суровый лаконизм телеграфа остается безжалостен.

В кончине Графа мы все понесли сердечную и незабвенную утрату. Он был одна из благороднейших и в высшей степени сочувственных личностей нашего времени. О скорби семейства его и говорить нечего. Он был связью и душою его. Он был не столько старшим и высшим звеном в семейном кругу своем, сколько светлым средоточием, к которому стекались, к которому свободно, дружно и крепко примыкали все живые, все нравственные силы, все чувства, вся любовь этого семейного круга. В сыновнем почтении, в сознательной уступчивости, в нежных заботах, которыми был он окружен, было что-то и дружеское и братское. Он казался старшим братом сыновей своих. Он с ними молодец, они с ним созревали и мужали. Может быть, не без основания некоторые замечают какое-то ослабление семейных уз, которые в старину были туго стянуты. В этом свободном и домашнем равновесии, на которое мы указываем, не должно искать ни обессиления этих уз, ни дела случая. Здесь заключались начала более нравственные и назидательные. Кроме природных сочувствий здесь ясно были видны следы и плоды воспитания. Подобные семейные отношения, разумеется, приносят большую честь детям; но, скажем искренно, приносят еще более чести родителям, которые умели (здесь идет речь *о сердечном умении*) зародить в сердцах детей своих эти отношения, их развить, их, так сказать, застраховать от всех случайностей и превратностей жизни. Нельзя также не согласиться, что ныне часто и во многом замечается, можно сказать, вопиющий разлад между поколениями: они, словно, разбиты на два воинственные стана. И если не всегда доходят до битвы, то над каждым из этих станов развевается враждебное знамя. В виду этой печальной междоусобицы нельзя было нам не остановиться и не отдохнуть мыслью и чувством на картине, которую представляло нам семейство графа Бобринского. Здесь отрадно проявляется примирение между минувшим, еще не отрешившимся от настоящего, и будущим, которое уже созревает в настоящем, но не отворачивается от опытности и от беспристрастных, строгих, но кротких назиданий её.

Нам не достает здесь ни времени, ни положительных данных для составления полного биографического очерка. Ограничимся на сей раз некоторыми беглыми воспоминаниями и впечатлениями, глубоко запавшими в сердце наше от долголетней приязни.

Впрочем, и сама жизнь графа Бобринского, может быть, не обильна событиями. Может быть, нет в ней достаточно тех драматических движений, которые нужны для разнообразия и занимательности биографического изображения. Обстоятельства были вообще благоприятны ему, но не выдвинули они его на особенную ступень, на высоту, которая могла бы господствовать над окрестностью.

Он был светлое, стройное изваяние, которым любовались ближние и достойные ценители изящного; оно имело свое определенное место в уважении общества; но судьба не под-

вела под это изваяние высокого пьедестала. При всех общественных преимуществах, дарованных ему рождением, можно сказать, что он положением своим был обязан наиболее себе самому, а не внешней обстановке. Всеми помышлениями и внутренними силами своими принадлежал он обществу; болел и, по возможности, радел о пользе общественной; принимал живое, теплое, даже пламенное, участие в общественных вопросах, стоящих на очереди; но он не имел случая руководить ими, окончательно разрешать их своим непосредственным влиянием. Одним словом, чтобы говорить официальным и общепонятным для всех языком, он никогда не был отдельным управляющим какой либо ветвью государственного устройства; но совещательный голос его был часто слышен и, вероятно, нередко уважен. Хотя безыменно, но не бесследно прошло участие его в разработке многих правительственных вопросов.

Он пользовался особым благоволением Императора Николая I, который знал и достойно ценил способности его, прямоту и независимость мнений. Ныне царствующий Государь наследовал от Родителя Своего уважение и сочувствие в характеру графа Бобринского. В прежнее царствование и в настоящее, он часто был назначаем членом в особые комитеты, имевшие целью разработку финансовых и других государственных мер. Здесь невольно рождается вопрос: почему же, с умственными способностями его, с образованностью, с усердием, которые были признаваемы Высшею Властью и государственными людьми, не пренебрегавшими его указаниями и мнениями, – почему не вышел он прямо в правительственные лица, наравне с другими, у кормила государства? Дадим, по разумению своему, ответ откровенный. Его подозревали в некоторых увлечениях к утопии, к идеологии. Со времени Наполеона I слово: «идеология» не в чести на языке официальном. Заметим мимоходом, что нелюбовь Наполеона к так называемым идеологам окончательно не принесла ему много пользы. Не идеологи сокрушили могущество его: сокрушили те же материальные силы, которыми, в свое время, он сокрушал других. Впрочем, нет сомнения, что излишняя отвлеченность в понятиях не может всегда согласоваться с действительностью и настойчивыми её требованиями. Практика имеет свои необходимые, непреложные условия и законы.

Государственным людям, этим в высшей степени практикам, блюстителям и врачам государственного тела, нет часто ни времени, ни возможности предаваться теоретическим умозрениям. Положим, идеология неуместна на сцене действующих лиц; но в партере так называемые идеологи могут иметь свое законное место и быть очень полезны. Они возвышают уровень действительности; они напоминают правительственным лицам, что вне текущих дел, и даже над самими текущими делами, есть какая то нравственная, если не сила, то, по крайней мере, нечто такое, которое не худо принимать иногда в соображение. Разумеется, говорится здесь об идеологах благонамеренных и добросовестных. Был ли бы граф Бобринский более полезен прямым и личным участием своим в высшей государственной деятельности, нежели в своем, так сказать, стороннем содействии – это решить трудно. Может быть, Жуковский и даже сам Карамзин были бы не вполне хорошими министрами, хотя бы и народного просвещения. Всякое министерство, кроме высшего значения своего, есть еще многосложное ремесло, а ремесло не всегда дается и самым избранным людям. Но не менее того можно быть полезным деятелем по той или другой части, и, вместе с тем, не считаться в списке высших чиновников того или другого ведомства. В кругу и в размере своего призвания и граф Бобринский может тому служить примером.

Граф Канкрин очень уважал графа Бобринского, служившего в министерстве финансов, хотя и расходился с ним во многих мнениях. Но к чести того и другого, начальник не требовал безусловного подчинения мыслям своим, разумеется, не по исполнительной части, но только в свободном обмене мыслей; а подчиненный не уступал начальнику своих убеждений. Впрочем граф Бобринский, должно сознаться, был человеком увлечений, но всегда

благородных, и чистых. Любознательная натура его беспрестанно требовала себе пищи: он искал ее везде. Всякая новая мысль, открытие, новое учение политическое ли, финансовое, социальное, гигиеническое – возбуждали в нем тоску и лихорадочную деятельность любопытства. Ему непременно нужно было вкусить от всякого свежего плода. Он с ревностью, с горячностью кидался в новую, незнакомую область, старался исследовать ее, проникнуть в её таинства. Ему недостаточно было бы, подобно Колумбу, открыть одну Америку; он хотел бы открыть их несколько. И тут, если было бы время впереди, он еще не остановился бы, а стремился бы все далее. С ревностью новообращенного, новопосвященного в эти таинства, он делался на время их сторонником и провозглашателем. В нем был избыток любознательности, пытливости и деятельности. Но чистая душа его, благородство чувствований и правил охраняли его всегда от учений вредных, или от крайностей и злоупотреблений всякой теории. Добросовестность и праводушие отрезвляли пыл его умозрительных ненасытностей. Не говорю уже о жадности, с которой он кидался на вопросы, имеющие более или менее ученую и общечеловеческую приманку: он покушался часто на изведение и таких вопросов, которых важность могла казаться сомнительною. Например, в отношении к гигиене, он испытал на себе не знаю сколько терапевтических учений по мере того, как они начинали делаться известными. А между тем, он не был ни болезненного сложения, ни мнительный больной. Одна любознательность и вера в преуспевание и завоевания науки делали из него добровольного и верующего пациента. В Париже усердно занимался он одно время магнетизмом. Точно ли верил он в истину, силу и самобытность магнетизма, или только увлекался его заманчивою таинственностью, – сказать не умею. Эти подробности, конечно, имеют небольшое значение; но приводим их, как воспоминания, как частные и мелкие особенности его личности, для полного сходства портрета не должно ничем пренебрегать; самые тонкие и мельчайшие оттенки, схваченные верно, содействуют сходству с подлинником. С умом, склонным ко всему, что ныне называется позитивизмом и утилитаризмом, с умом, обращенным наиболее к вопросам действительным и положительным, он мог иметь и свои суеверия. Он любил выводить истину на свет Божий, но способен был гоняться иногда и за призраками в обаятельном сумраке волшебного леса. В его богатой натуре было много разнокачественных родников. Как бы то ни было, запасы опытов или попыток, изучений, приобретений придавали разговору его обильное и увлекательное разнообразие. Он бывал иногда парадоксален; бывало видно, что он под властью нового учения: но так много было живости, теплоты искреннего увлечения в речи его, что, и не соглашаясь с ним, нельзя было слушать его без удовольствия и даже без некоторого сочувствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.